МНО-НО АВАРЭ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА

Л. Е. Михайлова
Уральский госуниверситет

Совершенно очевидно, что современный мир тяготеет к многополярной, многоукладной модели культуры. Дивергентные тенденции в ее развитии проявляются сегодня достаточно отчетливо. С одной стороны, она тяготеет к образованию множества субкультур, каждая из которых стремится к обретению своей идентичности, неповторимости, уникальности, с другой – идет интенсивный поиск основ универсальности: эстетических, этических аксиологических параллелей, которые позволили бы избежать «столкновения цивилизаций» (С. Хантинктон), оптимально развивать диалог культур, чтобы в результате сформировался симбиоз различных культурных идентичностей.

Вопрос о том, существуют ли на самом деле такие основания культурной универсальности, имеет давнюю историю и до сих пор остается открытым, особенно когда речь идет о Востоке и Западе. Следует признать, что на протяжении двух столетий ответ на него давали чаще отрицательный, чем положительный. Но чем тогда объяснить неиссякаемый интерес и чувство сопричастности представителей одной культурной общности к другой? Как постичь тайну своеобразия маргинальных культур: русской, болгарской, испанской и т. д.?

Один из возможных ответов дан К. Г. Юнгом в работе «The Modern Man of a Soul»: «Человеческая душа имеет единый субстрат... различные направления душевного развития имеют один общий ствол, корни которого уходят в далекое прошлое... Это означает что мы имеем общие инстинкты к образованию идей (представлений) и моделей поведения». Мысли Юнга созвучны строкам дневника из Тоса средневекового японского поэта Ки-но Цураюки: «Пусть в Китае и у нас люди говорят на разных языках, но если отражение луны одинаково, могут ли быть разными сердца людей?»[1]. Действительно, как это ни покажется странным на первый взгляд, в русской и японской культурах можно увидеть сходство в понимании прекрасного, воплощенного в конкретных художественных образах.

В японской эстетике существует четыре ипостаси красоты: «моно-но аварэ» – очарование вещей, «югэн» – сокровенная красота, «саби» – красота одинокой печали, «ваби» – красота простого, обыденного.

© Л. Е. Михайлова, 2001

Каждая из них выражает не только эстетический принцип, но и способ созерцания мира в целом. Это своеобразный центр японского художественного сознания.

Для японца красота абсолютна, разлита в мире. В каждой вещи, в каждом явлении, в человеке, его облике, чувствах, мыслях, отношениях – во всем есть свое очарование. Красота есть истина, внутренняя суть всех вещей. И смысл искусства заключается в том, чтобы найти и открыть эту красоту. «Мно-но аварэ – состояние естественной гармонии, подвижного равновесия между предметом или явлением и человеком, способным пережить его полноту... (Чувство взволнованности от соприкосновения с тайной красоты... в основе которого... восторг, чувство удивления перед миром, стремление не столько осмыслить, сколько пережить явление...)»[2]. Если проследить временную трансформацию этой идеи, можно увидеть, что в разные эпохи с ней связывали разные смыслы. В эпоху Нара – это время активных контактов с материковой цивилизацией, период экстравертного развития японской культуры, аварэ воплощает светлое, радостное, восторженное удивление красотой и гармонией мира. Следующая за Нара эпоха Хэйан – время закрытости страны, период интравертного развития. В это время краски становятся более приглушенными, а образы более утонченными, сдержанными. Аварэ эпохи Хэйан – «это эхо того, что прошло, но когда-то было мило»[3], это момент, когда очарование красотой мира неразрывно связано с ощущением непрочности бытия, его быстротечности, чувством светлой печали.

Такое понимание красоты встречается и в русской культуре. Нельзя сказать, что они полностью тождественны, в России настроение, созвучное мно-но аварэ, – это скорее одна из красок, обогащающих многоцветную культурную палитру. Если говорить о литературе начала XIX века, то оно, несомненно, присуще творчеству А. С. Пушкина. Здесь оно проявляется особенно чисто и ярко. Это может быть радостное переживание солнечного зимнего утра «Мороз и солнце; день чудесный!». Или свежее, бодрое оживление, приходящее с наступлением осени:

Октябрь уж наступил – уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает;
Журча еще бежит за мельницей ручей...[4]

Очарованием женской красотой вызвано множество посвящений (А. А. Олениной, А. П. Керн, Н. Н. Гончаровой и др.). Каждое из них передает уникальность прелести и доносит до нас живой женский облик.

Светом и душевной теплотой проникнуты картины русской повседневности в «Евгении Онегине»:

А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.
Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит[5].

Грустным размышлением о мимолетности, тщете всего земного – богатства, славы, любви, признания – проникнута философская лирика Пушкина.

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко, печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою[6].

Они звучат во множестве произведений, относящихся к самым разным периодам творчества поэта: «Что в имени тебе моем», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Прощание», «Чем чаще празднует лицей», «Вновь я посетил»...

Эта созвучность, сонастроенность в переживании красоты позволяет надеяться, что, несмотря на различие «душевного устройства», существует мир чувств и настроений, доступный одинаково и русским, и японцам, дарующий возможность соприкосновения с Другим. Как справедливо заметил Таникава Тэцудзо: «...полнота раскрытия правды будет достигнута лишь в том случае, когда за особенностями удастся разглядеть черты, имеющие универсальное значение»[7].

---

[1] Цит. по: *Григорьев Т. П.* Японская художественная традиция. М., 1979. С. 230.
[2] Там же. С. 240.
[3] *Уотс А.* Путь Дзэн. Киев, 1993. С. 272.
[4] *Пушкин А. С.* Избранное. М., 1976. С. 95.
[5] Там же. С. 334.
[6] Там же. С. 68.
[7] *Григорьев Т. П.* Лик Японии. М., 1997. С. 283.